

Сырымбаева С.М. Дәстүрлі өнердің рәміздік мәні	133
Атаева А.Е. Исламская культура и философия: сакральные символы в архитектуре	136

ӨРКЕНИЕТ: РУХАНИ, БІЛІМДІК, ӨНЕГЕЛІК КЕҢІСТІГІ ЖӘНЕ БІРЕГЕЙЛІГІ- ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ДУХОВНОЕ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ, ПРАВСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Қожамберлиев Б. Жаһандану және ұлттық мүде.....	141
Едилбаева С. Ж. М. Шелер о формах знания и образовании	143
Жамалов Калас XIX ғасырдағы қоғамдық ой – ел өмірі өзгерістерінің бейнесі	149
Кодар З.М. Некоторые методологические аспекты исследования гендерной стратификации общества	153
Мямешева Г.Х. Постклассика в эпоху перемен или постмодерн по славянски	158
Токсанбаева Н.Қ. Оқу бірлестігіндегі қарым-қатынасқа психологиялық сипаттама	162
Бейсенова Г.А. Обретение духовности в процессе образования и цивилизация	164
Бисембаева З.У. Цивилизация и глобальный экологический кризис	169
Жолдубаева А.К. Христианские концепты человеческой индивидуальности.....	172
Масалимова А.Р. Культурная идентичность в контексте маргинального дискурса	175
Балгимбаева З.М. Современные нетрадиционные технологии обучения в деятельности преподавателей вуза	178
Тулешов В. Одна нация – одна судьба	181
Такижбаева Н. Цивилизация, духовность, современность	187
Акашева С.С. Религиозно-нравственные поиски или преодоление «синдрома существования» в повестях Д. Исабекова	190
Альмухаметов А. Особенности исламского бизнеса и его участие в решении социальных проблем современного общества	195
Джампеисова Ж.М. Племена и ханы в XVIII-XIX веках: известные нарративы и новые парадигмы	200
Әлікенова К.Н. Батыстандыру қазақстандық мәдени-философиялық зерттеулердің нысаны ретінде	204
Оразбаева Г.К. Мистицизм звука и света в современной духовности.....	207
Құсбеков Д.К. Құқықтық және әлеуметтік мемлекет құрудағы қазақстандық жол	211
Тулепбаева Р.М. О современном развитии цивилизации: влияние сверхдержавы США на решение глобальных мировых проблем	216
Мұхамбет Ә.А. Ауыл ұлттық салт-дәстүрімізді сақтаудың негізі ретінде	220
Қаңтарбаева Ж.У. Ұлттық рух - еркіндіктің негізі.....	223
Рамазанова А.Х. Социальные мифы в структуре политических технологий	226
Сартбасова А.Б. Модернизация образования Казахстана в условиях глобализации.....	230
Ильясова А.А. Древнегреческий полис – традиционная модель западного города	234
Молдағалиева С.М. Истоки евразийства.....	238
Любинайте М.И. “Магия пространственно-временного континуума.....	241
Шаламова Н. Проблема построения «идеального» общества	246

ТАРИХИ-ФИЛОСОФИЯЛЫҚ ҮДЕРІСТІ ЗЕРТТЕУДІҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ- АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО ПРОЦЕССА

Сыргакбаева А.С. Город как метафора сознания	252
Атымтаева К.М., Босынов С. Культура и политика современного Казахстана.....	256
Құлсариева А.Т. Аудармадағы интерпретация және түсіну мәселесі	257
Тулешов В. Начало истории. Проблемы происхождения и развитие социального капитала в Казахстане.....	261
Молтобарова К. Эстетические критерии в науке и искусстве	274
Нигметова А.Т. Тема мысли в философии М.К. Мамардашвили	277
Рыскиева А.Ә. Символдың әлеуметтік-мәдени негіздері	282

А.С. Сыргакбаева (Алматы)

ГОРОД КАК МЕТАФОРА СОЗНАНИЯ

Этимология понятия «город» восходит к «ограждению», «огороду», «ограде». Символика стен, ограды, замкнутого укрепленного пространства нередко становилась определяющей при характеристике города.

Человеческую жизнь, в том числе, жизнь сознания можно сравнить с городом, «огороженным местом». Но место это огорожено не абсолютно. Человек прекрасно сознает конечность своего пребывания в этом мире, и сколько бы он не строил мыслительных укреплений, ничто не спасает его от неминуемой смерти. Город жизни является неукрепленным от смерти. Но, несмотря на это, столько тысячелетий человек тщетно мечтает о бессмертии, его преследует идея о «вечном граде». Это сравнение приводит нас к постановке одной из серьезных феноменологических проблем: В какой мере город может служить метафорой миро- и самопознания?

В истории литературы и искусства, мифологии и религии издавна существует некий смысловой изоморфизм, подобие понятий: «Я», «Город» и «Мир». Еще стоики полагали: «...совершенно безразлично, жить ли здесь или в ином месте, если человек повсюду в мире, как в Граде».[1. С. 345]. В этом изречении выразилось античное «космополитическое» чувство «гражданства мира». Для античного мироощущения и миропонимания «город» являлся высшей сакральной ценностью и формой самосознания гражданина, отсюда отождествление города и мира. Полис был единственным местом на земле, где грек или римлянин чувствовал себя человеком, защищенным гражданским правом и находящимся под покровительством богов. В стенах города он мог не бояться врагов, и не было ничего страшнее, чем быть изгнанным из родного города. «Античная культура строится вокруг единой, основной и исходной общественной формы античного мира – самостоятельного города-государства, - пишет Г.С.Кнабе, впервые поставивший тире между «античностью» и «городом». – Античность – это полис» [2. С. 171-172]. Сократовский призыв: «Познай самого себя!» подходит как нельзя лучше для объяснения этого чувства «повсюду в мире как в граде». Если личности удавалось вернуться к изначальной целостности, приблизиться к самой сердцевине бытия, познать самого себя, то где бы она ни была, она будет везде и всегда ощущать себя как в родном полисе.

Вовсе не обязательно жить в античном полисе, достаточно – везде и всегда – осмысливать цели человеческого существования, осознавать свое «я» и его место в мире, и сказать, как некогда сказал Конфуций: «Мудрому хорошо везде, вся земля его достояние». Познавшее себя «я» живет в мире как граде, и в граде как мире.

Смысловые границы понятия «город» очень подвижны, из-за чего порой бывает очень сложно определить масштаб повествования и степень метафорического обобщения образов, с которыми приходится сталкиваться в истории искусства и литературы, мифологии и религии: то ли действительно говорится о спасении Ниневии, жители которого погрязли во всех смертных грехах, то ли это иносказательный рассказ о мучениях большой совести? То ли город со всех сторон осаждают враги, то ли это – метафорическое предание о том, как внешний мир с его нормами и ценностями врывается в замкнутое одиночество сознания?

Городские образы этически многозначны. Когда Сократ повторял: «Меня интересуют не деревья в лесу, а люди в городах», или когда Демосфен говорил: «Прибытие афинян приносит городу надежду на спасение» они говорили и о человеческом сознании, и о городе, и о мире в целом.

Семантика городских образов в истории культуры очень разнообразна, каждый образ отражает определенную ступень самосознания. Ода из легенд об изгнании бесов из города Арецо с помощью молитвы святого человека может быть истолкована как просветление сознания, очищение его от нечисти.[3. С. 110]. Спускание в подземный Вавилон можно

понимать как уход в мир подсознания. Образ затонувшего города интерпретируется как забвение, погружение на дно океана памяти. Образ небесного града – метафора восхождения духа. Горящий город – образ ада. Переход в другой город – поиск трансцендентной истины, выход за собственные пределы. Возвращение в свой город – обретение смысла своего собственного бытия.

Конечно, «я» и «мир» и без помощи образа «града» могут сливаться, скажем, в молитве, медитации или в процессе мышления, но если «городу» все же суждено мысленно опосредовать связь «я» и «мира», то, он как-бы вбирает в себя и первое, и второе. Город в триаде «Я – Город – Мир» имеет двойственное значение, оказывается чем-то вроде медиатора! Он соединяет крайние абстракции: бесконечно малое ничто и бесконечно огромное все. Именно в двойственном значении понятия, снимающего противоречия, образ города часто встречается в древнейших источниках, например, в «Чхандогья Упанишаде». В «Граде Брахмана» соединяются противоположные полюса – небо и земля, огонь и ветер, солнце и луна, молния и звезды; «и то, что есть здесь у него, и то, чего нет, - все это заключено в нем... Он [град Брахмана] не стареет со старостью [тела], не гибнет с его смертью. Это истинный град Брахмана, в нем заключены желания. Это Атман, лишенный зла, свободный от старости, от смерти, от печали, от голода, от жажды, чье желание – истина, чья воля – истина...»[4. С. 132].

Разумеется, в приведенном фрагменте имеется в виду не «город» как определенный тип поселения, а обобщенный образ духовного «града» как обиталища, вместилища, обители. «Град Брахмана» можно понять как «град Абсолюта». Как и в образе «Града Божьего», в «Граде Брахмана» соединяются противоположные начала, совпадают все противоречия. В совершенно различных культурных традициях, город как архетип культуры сакрален: соединяя ничтожное конечное «я» с бесконечностью «мира», он превращается в символ невысказанного.

Город, таким образом, существует не только в реальном пространстве, но и как символ, как «архетип сознания». Он является отражением на земной поверхности способа устройства сознания той или иной культуры, воплощением в пространстве структур сознания. Существует множество рисунков городских планов: четко вычерченный под линейку план ассирийского города, шахматный «римский лагерь», квадратные поселения американских индейцев, идеальные геометрические городские планы эпохи Ренессанса, отвлеченно-геометрический рисунок городов эпохи классицизма и пестрый город-коллаж эпохи постмодернизма. Все это – воплощение идей конкретных архитекторов, а точнее – воплощение души определенной культуры. Город рисует структуру сознания, его создавшего. А сознание рисует само себя, и автопортретом часто становится образ города. Но, с другой стороны, происходит и обратное. Пытаясь понять сознание, культура нередко обращается за помощью к форме города, рисуя в воображении по его образу и подобию абстрактные понятия, отвлеченные категории. Так возникают вымышленные метафизические и символические города.

С символом города ассоциировались всевозможные представления о мироздании. Каждый из этих мифологических городов – отражение ностальгии человека по Абсолюту, каждый из них – своеобразная модель мироздания. Так закладывалась традиция связывать с образом города ответы на вопросы бытия.

Удивительно, но в истории существовала и существует по сей день традиция этого странного «городолюбия». Образу города в сознании всегда соответствовало все самое яркое, светлое, возвышенное. С семантикой города связан образ «никого», неведомого. Именно в городе человек мечтал найти то, чего ему всегда не хватало. Здесь исполняются его сокровенные желания.

В образе города кроется нечто притягательное для людей, в городе никогда не бывавших, нечто заставляющее их стремиться к нему, искать его, мечтать о нем. Путь к мечте лежит непременно через город и реализуется только в городе.

Поражает неистощимость человеческой фантазии, направленной на воспроизводство образов идеального города. Во многом это связано с универсальностью городской семантики. Для всех идеальных городов характерна правильная геометрическая планировка. Они тяготеют к возвышенностям, расположены среди экзотических ландшафтов, являются

вместилищем самых диковинных представителей животного и растительного мира. Известны фантастические города, материалом для которых служили хрусталь, стекло, изумруд, камень, золото, серебро, сахар и т. д. В новое время появляются города, уподобляемые часовым механизмам и фабричным цехам, символизирующие достижения европейского промышленного развития. В наше время, когда камнем и золотом, часами и фабриками никого не удивишь, в литературе появляются города картонные, тростниковые, цветочные...

Города, созданные человеческим воображением, вбирают все самое необычное и диковинное, будь то экзотические природные объекты или предметы человеческого творчества. Все наивысшие достижения человеческой морали и нравственности, технические новации и передовые достижения цивилизации немедленно ассоциируются с образами города.

По всей видимости «влечение к городу» с самого начала заложено в природе человека и составляет неотъемлемую черту его деятельной активности. Точно так же как младенец стремится вернуть утраченную целостность с телом матери и возвратиться в прежнее материнское укрытие, так и человек испытывает естественное влечение к обретению значимой целостности с родовым телом, желает оказаться в безопасном укрытии – городе.

В этом первичном влечении заключена та внутренняя сила, которая, как и всякая сила, подвергается сакрализации. В этом архетипическая мощь первичных институциональных форм социальной организации, возникающих из образа общего родового гнезда. Выступаая важнейшим компонентом коллективного бессознательного, архетип города – «гнезда», города – «роя», города-«норы» становится важнейшим компонентом культуры. «Влечение к городу», таким образом, соответствует неистребимой потребности человека в социо- и культурно-творчестве.

Часто образ города становится объектом сновидений. Город в снах и сновидениях – особая проблема, изучению которой посвящено немало исследований. Начало этим исследованиям было положено работами К.Юнга. В работе «Два эссе по аналитической психологии» он описывает опыт видения идеально правильного четырехугольного города, вдоль каждой из сторон которого было расположено по семь камней, а снаружи город был охвачен кольцом пламени. Квадрат в круге, круг в квадрате – это типичная форма плана первобытных ритуальных святилищ, храмов, а также целых городов. Она трактуется как образ целостности «я», идея самости.

Во всех символических городах имеется нечто общее: все они тяготеют к «чистым» формам, идеальным конструкциям, условным схемам. Видимо «архетипический» город устроен слишком «просто», геометрически ясно. Поэтому образ города в сознании древних удивительно похож на город, который снится человеку нашей эпохи. Но символический город не просто связан с совершенными геометрическими формами.

Символическая форма города намного сложнее. Геометрически правильная форма города противостоит хаосу, внутреннее – внешнему, высшее – нижнему, открытость – замкнутости, центр – окраине, свет – тьме. Движение по такому городу символизирует переход одной противоположности в другую. Как символическая форма город может означать разные смыслы: небо и землю, добро и зло, истину и заблуждение, а путешествие по символическому городу можно истолковать как поиск Бога в человеке, отпадения человека от Бога, возвращения к себе, бегства от себя.

Старинные сонники утверждали, что если снится чужой город, то близко переселение в мир иной: смерть. Неизвестно, почему представления об ином мире соотносятся с образом города, но в древних текстах встречаются сотни воображаемых городов, воплощающих образы небытия.

В египетской «Книге мертвых» упоминаются города, с которыми ассоциируется иной мир: город Бога, город золота, город Мерт и т. д. В египетской «Книге дыхания» есть фрагмент, где речь идет о пути посмертного воссоединения души с высшим сиянием истины, представленном как путешествие Осириса «сквозь города» с подробными описаниями прохождения мертвеца через ряд городов: порт-город Бузирис, город Халунабеа, небесный город Маати и т. д. Прохождение сквозь ворота этих градов, переход через пороги и святилища их домов (в одном из них душе дается жизнь и сила, в другом читаются молитвы,

в третьем происходит ее «пробуждение» и т. д.) призваны постепенно приближать душу к царству бессмертия. Перемещение из города в город – нечто вроде перехода сознания из одного состояния в другое. В некоторых культурах, полагавших, что жизнь человека недолговечна, «невидимый град» рисовался хрупким и зыбким, похожим, к примеру, на возникающий на миг и тут же растворяющийся в облаках небесный город Ди-За из тибетской книги мертвых «Бардо Тедоль». Сам факт построения в сознании образа невидимого города по ту сторону жизни выражал надежду человека на то, что смерть является лишь переходом к иному состоянию, иному модусу бытия. Словом, смерть есть ничто иное как иной град, а не абсолютное ничто. Воображаемый град – свидетельство поисков сознанием вечности и попытка помыслить немислимое, увидеть невидимое.

Переход из одного града в другой подводит нас к идее «двух градов». Тема «двух градов» в мифопоэтическом сознании предполагала некое коренное отличие двух типов поселений: земного и неземного, профанного и сакрального, своего и чужого. Переход из одного града в другой и возвращение обратно отражали одну из особенностей мифологического мышления: возможность возвращения к истокам, к самому себе в начальные времена творения.

У стоиков идея «двух градов» приобрела прагматичный, социальный смысл, превратившись в идею двух родин: одна – малая родина, в которой человек родился и живет, другая – Рим – символ мира в целом. У Августина Блаженного идея «двух градов» трансформируется в духовную модель града земного и града Божьего. Град земной – конечный, бренный, преходящий, град Божий – напротив – вечный, небесный, непреходящий. В эстетике Ренессанса реальному городу противостоял «идеальный». Можно долго перечислять примеры противостояния двух градов. Важно другое – одного града, в котором человек живет, ему всегда оказывается недостаточным, чтобы осознать себя. Его сознание ищет «другой град», убегая в философию, теологию, историю и политику.

Если верно, что сознанию присуща своя тектоника, а мысль имеет пространственную природу, то город следует отнести к числу важнейших первоформ сознания. Почему сновидческие и идеальные небесные города так похожи друг на друга? Почему представления о смерти в различных культурных традициях отражаются в образах воображаемых городов? Может быть образ города в сознании культуры воплощает символ понимания непонимаемого? Возможно, что возникновение, рост, расцвет и гибель городов, реальных и воображаемых, являются художественно-пространственной моделью процессов познания, а метафора «двух градов» описывает структуру человеческого мышления, направленного от реального к идеальному, от существующего к несуществующему. Город является носителем самых разнообразных смыслов. Ему в сознании присуща наивысшая семантическая нагруженность, эмоциональное напряжение, рациональная упорядоченность, т. е. все то, что характеризует наивысшую степень идеализации и сакрализации.

С ходом тысячелетий «урбанизируется» не только ландшафт земли, не только образ жизни человечества, но человеческая мысль: город становится фундаментальным элементом языка образного мышления и метафорой сознания. Метафора подразумевает перенос значения с одного явления (аспекта бытия) на другое. Поэтому вопрос о городе как метафоре сознания сам собою предполагает перенос значения между городом и сознанием. Для того, чтобы это стало возможным, город и сознание должны быть структурно, понятийно, образно подобны. Если это так, то город может стать «символической формой», сквозь которую сознание получает возможность увидеть самое себя.

Литература

1. Аврелий М. Наедине с собой. / Пер. С.М. Роговина. // Римские стоики. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1995.
2. Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993.
3. Стикко М. Св. Франциск Ассизский. Милан, 1990.
4. Чхандогья Упанишада. 8, 1, 1-5 / Пер. А.Я. Сыркина // упанишады. В 3 кн. Кн.3.М., 1992.